

9. Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Т. 2. – 796 с.
10. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. – М. : Художественная литература, 1985. – 624 с.
11. Покровский, Н.Н. Предисловие / Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – С. 3–31.
12. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
13. Сергеев, В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков / В. И. Сергеев // Актуальные проблемы истории СССР. – М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1976. – С. 18–57.
14. Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 10, XXXI, 1, 645 с.
15. Со времен князя Самара: в поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 182 с. – Переизд.
16. Худяков, Ю.С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники / Ю. С. Худяков // Тюркские народы : материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). – Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 240–243.

Нисковская М.И.
ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ИСТОРИИ В.Н. ТАТИЩЕВА
В ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ШТУДИЯХ И.П. ЕЛАГИНА

В XVIII веке, в период формирования принципов русской историографии, фундаментальная работа «История Российская» ученого и государственного деятеля Василия Никитича Татищева (1686–1750) оказалась в центре внимания многих авторов исторических сочинений: одни брали ее за основу, использовали содержащиеся в ней источники, другие же, напротив, находили в ней недостатки и критиковали ее. «История...» была главным делом В.Н. Татищева, над ней «он работал около 30 лет, завоевав авторитет в академических кругах не только России, но и других стран. После того, как в 1768 г. <...> “История Российская” вышла солидным тиражом в 1200 экземпляров, имя ее автора обрело самую широкую известность» [6, с. 161]. В.Н. Татищев являлся «безусловным историком в понимании своего времени, который отобрал и систематизировал огромное количество разнообразных письменных источников (летописи, жития, дипломатические бумаги, древнерусские сказания и др.)» [3, с. 101; ср.: 8, с. 266]. В «Истории Российской» есть немало оригинальных известий, не встречающихся в других источниках. «Это объясняется наличием в распоряжении историка середины XVIII в. ряда утраченных впоследствии древних русских летописей...» [4, с. 321].

Многие историки работу В.Н. Татищева использовали в качестве образца при написании своих собственных исторических текстов. Одним из авторов XVIII в., который опирался на его сочинение, был Иван Перфильевич Елагин (1725–1794). По словам Г.Н. Моисеевой, «И.П. Елагин рассматривал свой труд как продолжение “Истории российской” В.Н. Татищева» [5, с. 104]. По утверждению С.Н. Валка, в молодые годы И.П. Елагин имел «счастье знать Татищева и даже слышал от него, что труд его “весьма далее простерся” чем то, что теперь известно в печати...» [1, с. 471]. И.П. Елагин высоко ценил «Историю Российскую» и противопоставлял ее труду М.В. Ломоносова.

И.П. Елагин подчеркивает особую роль работы В.Н. Татищева во Введении к «Опыту повествования о России», в котором анализирует источники для изучения русской истории. По словам И.П. Елагина, «сии суть источники, наполняющие пространное море Российского повествования; их в разных списках собрал рачительный Господин Тайный Советник Татищев, и учеными примечаниями объяснил и украсил до половины XV столетия» [2, с. XXV]. Отметим, что анализ источников И.П. Елагин начинает с новгородских летописей, которые, по его мнению, существовали до нашей эры. Этот прием используется автором для того, чтобы показать древнейшие корни русского государства. Очевидно, что существование указанных автором летописей могло вызвать сомнения у осведомленных читателей «Опыта...», поэтому И.П. Елагин, предупреждая вопросы, пишет, что до наших дней эти источники не сохранились из-за ветхости. «В Новгороде, как и во всех полуночных странах, по свидетельству Маллета, Сочинителя Датского повествования, да и в самом еще Славянске, есть ли летописи, то предания конечно были задолго до Рождества Христова; но какими буквами писаны, того узнать не можно, что и сами они времен едкостью истреблены» [2, с. XVIII].

Следующими по хронологии источниками, по которым автор «Опыта...» пытался изучать историю древнерусского государства, были Новгородская и Иоакимовская летописи: «... в продолжении не порядком преисполненная ветхая Новгородская летопись и перечень из повествования Иоакимова, первого Епископа Новгородского, трудолюбивым Господином Тай-

ным Советником Татищевым составленный» [2, с. XVIII–XIX]. Скорее всего, И.П. Елагин имеет в виду Новгородскую первую летопись, которая содержала информацию о Новгородской феодальной республике, ее культуре, быте, общественно-политической жизни, взаимодействии с другими древнерусскими центрами. Верно подметил И.П. Елагин то, что Иоакимовская летопись была включена в качестве выдержек из древней рукописи в исторический труд В.Н. Татищева. Как известно, сведения из этой летописи о древнерусской истории (в первую очередь новгородской) не находят подтверждения в других источниках, они уникальны. До сих пор идут споры о ее достоверности.

Можно предположить, что сведения об Иоакиме И.П. Елагин почерпнул у В.Н. Татищева. Последний в своей истории пишет, что «хотя наши и Польские историки Нестора Печерского за первейшего историка Русского почитают, однако ж то довольно видимо, что прежде его писатели были, да книги те погубили, или еще где хранятся...» [7, с. 29]. Об Иоакиме В.Н. Татищев говорил, что «между такими неведомыми Нестору и забвенными Историки есть Иоаким первый Епископ Новгородский...» [7, с. 29]. По словам В.Н. Татищева, он «приехал в Русь с другими Епископы 991 <...> и определен в Новгород, умер 1030» [7, с. 30].

И.П. Елагин использует авторитет В.Н. Татищева, опорные фразы из «Истории...» об образованности Иоакима, знании им греческого языка, частичной сохранности летописи, на основе этого автор «Опыта...» перерабатывает текст В.Н. Татищева, выдвигает собственную гипотезу о том, что летописец начинает свое повествование до Рождества Христова, тем самым еще раз подчеркивает гораздо большую древность Руси, чем это принято было считать его современниками. А подтвердиться эта гипотеза И.П. Елагина не могла (как, вероятно, по его мнению, и быть оспорена), потому как утрачены многие листы Иоакимовской летописи: «Иоаким жил во время Владимира I, и Епископом в Новгороде в самое его и России поставлен. Он Славянорусское, и паче Новгородское повествование начинает гораздо кажется прежде Рождества Христова, и кратко проходит, лет не означая, до разделения Владимиром на удельные Княжения России. Многие в сей сохраненной выписке утрачены листы; но что осталось, то хотя, подобно Новгородской летописи, и баснословно, однако ж показывает его мужем разумным, и в словесных науках, со знанием природного ему Греческого языка, довольно сведущим. Потому напрасно почитается преподобный Нестор, и у нас и у внешних Писателей, первым нашим Повествователем. Иоаким умер прежде, нежели Нестор пришел в Киев и свое повествование начал» [2, с. XIX].

Отметим, что И.П. Елагин, воспользовавшись материалами В.Н. Татищева, указал, что все летописи до Нестора не сохранились, и: «Все прочие до него [Нестора – *М.Н.*] бывшие [летописи – *М.Н.*], из которых и сам он, как видно, по свидетельству Симона Суздальского Епископа, почерпал, время поглотив, в неизвестность обратило» [2, с. XIX–XX]. Как известно, В.Н. Татищев пользовался списком летописи епископа Симона, после этого летопись была утеряна и с ней никто не смог ознакомиться, автор «Истории Российской» писал: «... а Симон Епископ в предисловии, как Киприян сказует, написал: хотя многие писатели о руссах ранее Нестора были, однако или от древности исказились, или не сохранились и мало Константин улучил, а Несторову Сильвестр Выдобожский исполняя сохранил» [7, с. 52]. Поэтому, вероятно, И.П. Елагин полагал, что его версия о древности русской истории надежно защищена.

И.П. Елагин, анализируя работу Нестора, отметил, с какого периода летописец начал свое писание, отрицательную оценку он дал слогу автора, заметил, что в нем нет красоты: Нестор, «объявив кратко о создании Киева, начинает вещание свое с половины IX века <...> Слог его темен по древности языка <...> Красоты витийства и учености повествователя в нем не видно» [2, с. XX]. В.Н. Татищев не давал отрицательных оценок слогу Нестора. Как писал автор «Истории Российской», «между явными нам русскими Историки есть древнейший Нестор бывший монах Печерского монастыря, родился на беле Озере, и по сказанию Нифонта в патерике пожив лета довольно прославился. По исчислению в монастыре он пришел в 1073 году 17 лет, ибо родился 1056. Историю кончил 1093, когда был 37 лет» [7, с. 51–52]. Как видим, И.П. Елагин не только следовал в своих источниковедческих штудиях перу В.Н. Татищева, но и вносил в них дополнительные характеристики, например, особенностей стиля летописи.

Перечисляя летописателей, И.П. Елагин следует за автором «Истории Российской», который пишет, что «первый по Несторе продолжатель или второй сочинитель летописи Русской есть Силвестр Игумен Михайлова Выдойского монастыря близ Киева <...> видно, что с 1093 по окончании Несторовом порядок писания неколико переменен...» [7, с. 56–57]. И.П. Елагин отмечает, что «продолжатель Несторовой летописи был Сильвестр, Игумен монастыря Святого

Михаила, подобный во всем предтечу своему. По нем, при великом от времени до времени раздроблении России, умножились и продолжители Нестору по всем Княжениям. Имена их не известны; но то неоспоримо, что все они разных монастырей черноризцы были. От сего произошли толь многие и толь неисправные, одних обстоятельств с пропуском, а других с прибавлением, списки Несторовой летописи» [2, с. XXI].

Далее И.П. Елагин говорит о дополнителе Сильвестра, жившем в XII в. Автор «Опыта...» обрабатывает выдержки из истории В.Н. Татищева: для сравнения, Елагин писал, что «по Сильвестре виден однако ж единый ему пополнитель; имя его хотя не известно, но пребывание его, кажется, было на Волыне; ибо сам он о себе в 1149м году сказует, что тамо с Игорем II часто бывал он...» [2, с. XXI]; у Татищева это написано несколько по-другому: «По Сильвестре дополнителя имя не известно, но видимо, что был на Волыни, или в Киеве, понеже часто восточную страну Днепра к Чернигову за Киевом и за Днепром именует. Он о себе в 1146 году сказует, что в 1143 году с Игорем вторым в Володимир в часто певал...» [7, с. 57].

После Сильвестра И.П. Елагин, следуя за В.Н. Татищевым, описывает летописание Симона, Суздальского Епископа: Симон, живший «в XII и в начале XIII века, продолжал Несторову летопись, и отличается от прочих вящим в писании искусством. Он оставил нам и нравственные характеры и телесные виды многих Князей Российских» [2, с. XXI]. И.П. Елагин добавляет красок в описание Симона, но меняет текст В.Н. Татищева, который писал: «сей Симон не токмо тщание к Истории <...> но к тому потребный способ имел, ибо жил во время любознательного Государя Константина, которого он хотя по вражде с его защитником Георгием III неколико неправо обвиняет, а Георгия выхваляет, однако ж Константина мудрым, кротким и справедливым нарицает» [7, с. 58].

Следующим летописателем В.Н. Татищев определяет Иоанна Новгородского: «По Симоне дополнял поп Иоанн, как он о себе в 1230 году себя самовидцем написанных дел сказует. Сей много Новгородских дел внес и обстоятельно, токмо дивно, что у него чудес бывших в его время не описано, хотя ему весьма могли быть ведомы» [7, с. 59]. И.П. Елагин продолжает следовать В.Н. Татищеву, но переделывает текст истории своего коллеги, создавая впечатление самостоятельности своих исторических штудий: «Симон был современником Новгородскому летописцу; также Несторову продолжителю, который под летом 1250м сам о себе говорит: “что он был очевидный свидетель многих тогда случившихся событий...”» [2, с. XXII].

При описании Иоанна Новгородского И.П. Елагин отходит от текста истории В.Н. Татищева, в «Опыте...» написано, что «...Иоанн паче знаменит бы был преданием потомству грамоты Князя Ярослава Владимировича, 1019 года писанной и содержащей гражданские права, и суд и расправу Новгородскую, есть ли б иной безымянный летописец полнейшие Русские правды нам не оставил, с присовокуплением закона Владимира II, Мономахом прозванного. Нестор упомянул вкратце о сем Ярославском законе...» [2, с. XXII]. В.Н. Татищев ограничился лишь фразой, что Иоанн Новгородский «...о битве Александра написал точно, что от него самого слышал, чудо от образа богородицы Знамения в его церкви сказуемое, но он обоих чудес не упомянул» [7, с. 59]. Скорее всего, летописец, который писал, что летал на бесе в Иерусалим, оказался, с точки зрения И.П. Елагина, подходящей исторической личностью, которая могла сохранить важные документы, включив их в текст летописи; читатели «Опыта...» не заметили бы небольшого преувеличения. Представляется, таким способом И.П. Елагин пытался показать, что он провел самостоятельное фундаментальное исследование, опирающееся на весомые доказательства, поэтому его «Опыт...» должен был найти положительный отклик и у историков, и у других читателей.

Таким образом, в источниковедческих практиках И.П. Елагин ориентировался на «Историю Российскую» В.Н. Татищева, из нее были заимствованы в «Опыт...» имена летописцев, некоторые биографические данные, хронология возникновения летописей и другое; при этом И.П. Елагин вносил изменения в тексты предшественника для того, чтобы показать самостоятельность своей работы, представить себя в качестве состоявшегося историка и доказать, что начало русской истории положено еще в глубокой древности.

1. Валк, С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению / С. Н. Валк. – СПб. : Наука, 2000. – 664 с.
2. Елагин, И.П. Опыт повествования о России / Ивана Елагина. – М. : Университетская тип., 1803. – Кн. 1–3. – 532 с.
3. Качин, Н.А. В.Н. Татищев – прообраз первого российского историка / А. В. Качин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 1 (27). – С. 98–102.
4. Майров, А.В. О Полоцкой летописи В. Н. Татищева / А. В. Майоров // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред.
5. О.В. Творогов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – Т. LVII. – С. 321–343.

6. Моисеева, Г.Н. «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н.М. Карамзина / Г.Н. Моисеева // XVIII век : сб. ст. и мат-лов / под ред. академика А. С. Орлова. – Л. : Издательство АН СССР, 1989. – Вып. 16. – С. 104–109.
7. Рыбаков, С.В. В.Н. Татищев в зеркале русской историографии / С.В. Рыбаков // Вопросы истории. – 2007. – № 4. – С. 161–167.
8. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен / В.Н. Татищев. – М. : Императорский Московский Университет, 1768. – Кн.1. – Ч. 1. – 262 с.
9. Шмидт, С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России / С.О. Шмидт. – М. : Языки славянских культур, 2009. – Т. 2 : От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. – Кн. 1. – 576 с.

Хацько Е.В.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ
В ТРУДАХ Т.Б. МАКОЛЕЯ

Томас Бабингтон Маколей – английский историк, публицист, общественный и политический деятель первой половины XIX в., автор многотомной «Истории Англии от восшествия Якова II на престол» и многочисленных эссе. Однако популярность его вышла далеко за пределы Великобритании благодаря оригинальному видению историком прошлого своего государства и Европы в целом, а также необычному стилю изложения своих материалов, соотношению в них фактов, основанных на исторических источниках, и художественного вымысла, придающего им характер исторических романов, основанных на реальных событиях.

«История, – говорит Маколей в одном из своих эссе, – по крайней мере в состоянии идеального совершенства – это соединение поэзии и философии. Оно поражает общие истины разума ярким представлением конкретных персонажей и инцидентов. Но до сих пор не было известно, чтобы, фактически, два враждебных элемента, из которых оно состоит, сформировали идеальное слияние; и задолго до наших времен они были совершенно разделены. Хороших историй, в правильном понимании этого слова, у нас не было. Но у нас есть хорошие исторические романы и хорошие исторические эссе» [1, с. 89]. Т.Б. Маколей считал, что причина заложена в постоянном конфликте разума и воображения, и все историки излишне подчиняют ее либо первому, либо второму. В результате этого получается либо вымысел, либо теория [2, с. 328].

Именно примирение двух враждебных элементов истории было мечтой ранних амбиций Т.Б. Маколей и серьезным делом его поздних лет. Он утверждал, что две стороны истории – элемент сути и элемент искусства, который облачает суть в привлекательную форму, – всегда были слишком очевидны для историков, чтобы их упускать из виду. В самой ранней форме истории – поэзии и легенде – элемент сути уменьшался до минимума и почти совершенно переживался элементом искусства, который создавал суть без ограничений. Однако со временем возникла объективная необходимость вести точную летопись фактов, появились первые простые летописи и затем история в общем смысле этого слова. Относительная пропорция двух элементов в ней никогда не была тщательно определена и была оставлена на усмотрение отдельных авторов. В целом, однако, художественный элемент долго превосходил над сутью. Поиск фактов, даже когда это было необходимо, был поверхностным, главным предметом историков было показать их талант в рисунках прошлого, в котором воображение превосходило реальность. Мастера этой художественной формы истории, по мнению Т.Б. Маколей, – четыре великих древних человека, два грека и два римлянина: Геродот, Фукидид, Ливий, Тацит. Современники долгое время только копировали древних в истории, как и во всех других областях [4, с. 153].

Лишь к концу XVIII века, по мнению ученого, история получила новый импульс. Сложная социальная и политическая структура общества сделала необходимым с большей точностью изучать определенные общественные вопросы, и этот расширенный взгляд на настоящее вскоре был применен историками и в отношении прошлого. А Французская революция, которая показала резкую смену социальной стратификации, ускорила этот процесс. В начале XIX века, считал Т.Б. Маколей, «история изучалась новыми глазами». Стало очевидно, что она вся должна быть написана заново, что старые писатели видели чуть больше поверхности и были скорее «геодезистами», а истории на тот момент уже требовались «геологи», которые могли проникать на большие глубины [2, с. 330].

С XIX века прошлое начало научно изучаться не для творческих целей, чтобы сочинять красивые рассказы, не для политических целей, чтобы находить материалы для участников боевых действий, не для теоретических целей, чтобы создать правдоподобную, но преходящую философию истории, но для точных и поддающихся проверке знаний. Это был процесс, через который прежде прошли другие науки: изучение небес от астрологии до астрономии, изучение со-